

***

Как бы синица не цокала, ворона бы
не картавила.

Я тебя не забыла, просто сменила правила.
Ты у меня за пазухой, ты у меня за курткую,
Маленький шрам, заштопанный чьей-то
дурацкой шуткою.

В нём ковыряться бестолку, всё
изжито-измучено,

Кроме борьбы да гульбища, вон по какому
случаю:

Есть в ноябре поверие, сказ золотого
месяца,

Если девица гордая, значит, она повесится.

Узелок первый «Сказ золотого месяца»

***

Как звать тебя, моя тоска, моя обитель?
В осенней смуте твой оскал пока невидим.
Спасёт ли маска пришлеца, его личина
Не обличит меня, молчит не беспричинно.
Под сердцем правда горяча. В платке пуховом
Ноябрь смотрится смешно, да будет слово,
Произнесенное тобой, почти молитва:
«Я не отдам тебя ему». Ночь. Город. Битва.

***

Между словом и делом дорога, идущая над
Головой ноября, он кивает тебе торогато,
Будто вспомнил твое: «Не хочу

возвращаться назад,
Там не любят меня, там и я без вины
виновата».

Между мной и тобой – огороженный болью
разлад,

И «помилуй» звучит безнадежно, почти
Я пытаюсь понять, где находится боязливо.

собственный ад,
Но ответ так же прост, как проста
приозерная ива...

Узелок второй «Папа»

***

Мой батя был уверен в том, что прост
Итог судьбы, стоящей в полный рост.
Пока его снега не замели,
И в лоб холодный не поцеловали.

Мой батя был уверен, что едва
Находят свет прощальные слова,
Как одесную неба и земли,
Тьма пред ним свои разверзла шали.

Мой батя был уверен, потому
Я каждый год скоромному ему
Псалтирь читаю, чтобы на покой
В родимые пенаты возвратился.

Но снег давно затёр его следы,
Их не найти, как в проруби воды
Не почерпнуть замерзшем, и рекой
Не обернуться той, в какой крестился.

***

Вспомяну ли, отче, твои очи,
Когда рассвет грядёт страшнее ночи,
Когда за ним я черною свечей
На нібо рОпщу. Господи, о чем
Ты видишь сны, не поминая зол
Грядущих в мир сквозь вечности узор,
И как бы мне ту вечность скоротать,
Пока ты спишь, и гроб твоя кровать?

Узелок третий «Ксения»

***

Мати, ни тако жила, ни тако;
Хворая осень и я хворая,
Чего она хочет? Собака
Виляет хвостом и лижет
Руку мою. Какого рожна
Сытый не разумеет
Голодного. Ворожба
Не нужна праведному,
У праведника жена
И без того умнее...
Кто же я на самом деле?
Горчичное семечко
Или камень, зажатый в ладони.
Пока не тонет.
Наверное, я синица. Сама по себе.
Осень не будет препятствовать судьбе.
Мати, ни тако не значит плохо,
А я дуреха, подумала о тебе.

***

Где взять слова, чтоб попрощаться с миром,
В каких глубинах сердца есть они?
Вот образ Ксении, на нем мерцает миро,
Не нужно слов... Мир – старший брат войны
С самим собой. Давай во вере нашей
Мы воздадим друг другу, но молчком.
Я ранена и предстою пред Чашей
Не чаще, чем хотелось. Отчий дом
Нам не судья, но мы судимы будем
В который раз по собственным грехам
Отцом ли, матерью, пока на общем блюде
Небесной житницы я не по строю Храм.

***

По Питеру юродивая мати
Идет-бредет и кормит голубей.

А я за ней тянусь, тянусь... С кровати
Во сне летаю, маменька, скорей
Возьми меня под крылышко молитвы,
Чтоб видно было с горнего хребта
Всё поле брани, по итогу битвы,
Не одолели боль и пустота.
В мужском плаще дырявом в зной и холод,
В одной туфле по берегу Невы
Она идёт и молится за город,
За голод наш: «не вы, не вы, не вы
Виновники отцовской благодати,
Событий, судеб, что-то там ещё».
Я до сих пор с тобой гуляю, мати,
И прячусь за мужским твоим плащём.

Узелок четвертый «Москва»

***

Ни летом, так в осень меня уберут
Из всех непристойных историй.
Нирвана затопит Гонконг и Бейрут,
На лодках без весел куда поплывут
Рожденные ползать? Домой, в крематорий.
Туда, где на привязи дог или бог
Кусачей не станет от жизни собачьей,
И мой хриповатый московский порог
Тебе не подножку поставит, а рог,
Попробуй завой, миномёт мой бродячий.
Цинга не простит, не накроет циклон
Войну между нами останками судеб.
Забытый товарищ в бою, что Циклоп
Силен и горяч, выходи на поклон,
Россия, авось и с тебя не убудет...

***

Кто венчан, тот поймёт, как тяжело
Превозмогать разлуку, войны, были.
Мой милый дом сломал одно крыло,
Второе – крест, но мы о нем забыли.
Его бы вытащить на паперть в выходной,
Поклонный крест и горькая Голгофа.
Здесь нет святых, есть прорубь ледяной
И смерть семьи – развод и катастрофа.
Так и живём: то бедствуем, то лжем
На пустыре обугленном войною.
Мы в окружении чужих мужей и жен,
Как мертвецы под белой простынею.